

Друзьям из похода в Хиву – 20 февраля 1840

Category: Kitapcy, Ýol ýazgylary

написано kitapcy | 24 января, 2025

Друзьям из похода в Хиву – 20 февраля 1840 Письмо Даля В.И.

ДРУЗЬЯМ ИЗ ПОХОДА В ХИВУ – 20 февраля 1840

20-го Февраля 1840. Сидим на Эмбе и надеемся, со дня на день, увидеть весну; между тем вчера и сегодня 25°. Я сделал сегодня расчет, взял среднее состояние тепла во время экспедиции Берха, и нынешней зимою. У Берха за 79 дней (16 Дек. по 4 Март.) среднее 15 1/2-о; у нас, за 94 дня, с 19 Ноября по 20-е Февр. круглым числом приходится почти по 19° на день. Как у Берха, так и у нас, брал я из ежедневных наблюдений только одно, самое большее число. Слишком три месяца сряду, по 19° кругом на день!! Вчера начали мы праздновать масленицу: блины, по недостатку здесь сковороды, пеклись на жестянных тарелочках, собственно по моему изобретению и предложению, и мы выслушали при этом все подробности родословной тарелок этих и узнали, как это сказано было нам утвердительно и подтвердительно, что тарелки английской жести, настоящей английской, двойной. Почтенный сожитель наш Молоствов вчера отправился в колонну: он идет на линию, вместе с прочими отпущенниками. Чихачев не захотел воспользоваться этим случаем, и отказался. Ему конечно все равно, где зимовать и летовать. Путнику по званию с чужбины домой ехать не за чем...

5 6 дней провели мы в укреплении тепло и, можно сказать, приятно. Много было шуток и смеху; В. А. спокоен и иногда довольно весел... Не по моему вкусу только то, что мы ложимся не прежде часу, а спим по неволе долго после обеда. По неволе, говорю, чтобы не мешать другим; ляжешь, лежишь часа два, три тихохонько и уснешь. Превратная жизнь эта непременно расстраивает здоровье; сидеть за полночь обращается в

привычку; человек уже не может заснуть ранее, тревожное веселье, готовность сидеть и любезничать ночью, является у нас на счет утреннего здоровья, и мы встаем в десятом часу с тяжелой головой и тусклыми очами; человек делается, после ночного отдыха, смутным, невеселым: и только к ночи состояние его делается опять сносным, чувства его в своей тарелке, и он здоров. Это состояние обманчивое, лживое, расстроенное; человек здоровый душой и телом чувствует себя утром, после законного отдыха, в естественно веселом расположении и в силах. Ночное здоровье есть только следствие превратной жизни нашей и большинства духовной жизни, перевесу её над телесною. А этого быть не должно: одно равновесие спасительно.

Вчера, до поздней ночи, шла речь о плачевных опытах наших при неудачном предприятии и о том, кто, как, чем и на сколько от этого поумнел. Все видели огромное затруднение пройти с войском 1500 верст по бесприютному пространству и нести непомерное количество продовольствия с собою. Хотели избежать большей части неудобств, пустив войска вперед, а продовольственные караваны отдельно. Из этого однакоже возникает тоже самое затруднение, еще в большей степени: для конвоя и для навьючки необходимо тогда отряжать новые силы, а для них также свое продовольствие, свои обозы и караваны. Говорили также, что отряд должно пустить, для облегчения хода и добытки фуража, не одною, а двумя различными дорогами на Сарайчик и на Сыр. Кажется, при этом не разчитали, что тогда необходимо делать два склада, один вовсе отдельно от другаго, особыми средствами, и что все это будет стоить двух экспедиций вместо одной. Я думаю так: главнейшие затруднения: 1. снабжение отряда продовольствием и 2. разный марш, передвижение войска в отдаленный край. Все остальное, как то: охранение каравана, победа над неприятелем, и прочее, все это обстоятельства второстепенные, потому что представляют несравненно менее затруднений. Основываясь на помянутых двух главнейших началах, должно ограничиться возможно меньшим количеством войск, а следовательно ни под каким видом не увеличивать числа его, помнить, что каждый человек требует, для шестинедельного продовольствия здорового, сильного

верблюда; и второе, устроить все так, чтобы не стоять по две и по три недели на одном месте, а идти ходко, спешно, до самого места; не строить дорогою колонн, которые очень красивы в чертежной, на бумажке, но неисполнимы на деле, замедляют до неимоверности ход, изнуряют людей и верблюдов и не ведут ни к чему; а наконец, коли найдутся способы доставить все необходимое в Сарайчик, то привести и все войско туда; оно выиграет этим путем предполагая, что пойдут зимою (а это необходимо, для воды) верст 200 или 300 степной дороги, хоть и пройдет столько же лишней в своем краю. Но 300 вер., выигранные в первом случае, дороже 400 домашних. Если же 3-т. человек здоровые придут в ханство с продовольствием на шесть недель, то дело наше выиграно, и зная неприятеля и все обстоятельства, нельзя опасаться неудачи. Возражений можно сделать много; отвечаю на все это, что нет войны без авось, и здесь оно также занимает свое обычное место; но соображаясь со всеми данными, ограничиваясь возможным и истинным, придерживаясь не серой теории, не зеленых предположений и умозрений, а, опыту, надобно, при новом предприятии признать основными началами: 1, как можно менее людей; 2, ускорить ход, идти во все лопатки, покуда верблюды держатся, зная, что они от отдыха зимою не поправляются, а худеют; 3, уменьшить по возможности то пространство, которое должно пройти с продовольствием на плечах; 4, уменьшить (и это относится уже к 1-му пункту) уменьшить или уничтожить вовсе сословие г. г. бездельников, т. е. всех, которые без вреда отряду могут быть оставлены, оставить дома, а лучше дать им крест за доброе сиденье на месте. Кроме неудобств материальных, происходящих от присутствия этой лишноты, есть еще вред нравственный, и он опаснее первого. Еще важнейшее правило на будущее время, выведенное к несчастью также из опыта: помнить день и ночь, что верблюд не деревянная кобылка, которой нет износу ни изводу, а тоже живое создание, хоть и скотина. Несчастный предразсудок, бедственное мнение, что верблюду ничего не значит пробыть сутки или двое без пищи, наделал нам много вреда. Верблюд индюшка, животное квелое, нежное, любит тепло, гибнет от стужи; он выручит из беды и пробудет три, четыре дня

без пищи там, где стоит действительная крайность, если его беречь и холить и кормить наперед и удержать в теле до этой критической минуты... Очень знаю все невероятные трудности присмотреть надлежащим образом за таким огромным количеством скота, и еще на походе, где всякий по неволе заботится о себе, старается отогреться, наестся и отдохнуть; но тем менее можно пренебрегать этим, тем более должно стараться за скотом смотреть хозяйским, а не казенным глазом. К несчастью нам теперь, когда мы в действительной крайности, нельзя уже беречь верблюдов, а остается почти только доканать их в конец. Перевозка продовольствия, доставка топлива, все это прогулка в оба конца верст в 40, 50, 60 двои сутки усиленного перехода, без всякого корму, потому что его близ укрепления нет ни зерна, ни былинки, это свалит с ног здорового и заморит сытого, а тощего уложит на дорожке и свернет ему, на последушке, голову под крыло. Нынешний поход стал казне с небольшим 1 1/2 миллиона; а если оценить все что сделано местными средствами на деньги, то нельзя изворотиться 15-ю миллионами. Одни верблюды, которых по доброй воле нельзя купить за деньги, одни верблюды по оценке стоят полтора миллиона; а доставка продовольствия Башкирами, если бы произведена была наймом, должна стать шесть миллионов, но и тут опять нет сомнения, что деньгами сделать этого нельзя; нет возможности отправить из Оренбурга 12 т. наемных телег, если их не выписать из Русских губерний, и тогда они обойдутся еще вдвое дороже: я клал по 500 р. на ящика...

В. ДАЛЬ. Yol ýazgylary